

Кристиан Хуфен

От транснациональности до выбора быть русским.
Федор Степун: Концепция и проекты
личной идентичности¹

Корабль пустился в плавание – с пока неясным курсом. Изучение наследия Степуна набирает обороты: список публикаций постоянно ширится, в последнее время в России были написаны несколько диссертаций; дрезденскими профессорами была организована в 2006 г. конференция «Культура диалога» – под этим программным названием была сделана попытка подытожить многогранное и одновременно, едва поддающееся систематизации творчество Федора Степуна (1884–1965). Есть попутный ветер, есть жажда странствий, но вот чего не хватает, так это храбрости: команда никак не решается покинуть прибрежные воды. Виной ли тому любовь к родным берегам или неверие в собственные силы – многие коллеги не решаются выйти в открытое море. Хотя давно пришла пора придать нашей работе – изучению наследия Федора Степуна – международный формат.

Благодаря переизданию важнейших трудов Степуна, благодаря активности российских культур-философов, в первую очередь Владимира Кантора и Александра Ермичёва, у читателей в России последние двадцать лет появилась возможность открыть для себя этого соотечественника, изгнанного, как потом оказалось навсегда, Лениным с Родины в 1922 г. и умершего в 1965 г. в эмиграции. Оценка литературного и публицистического наследия Федора Степуна происходит в русле растущего интереса к культуре русской эмиграции. С одной стороны, такие эпитеты, как «отечественный мыслитель» и «русский европеец» несомненно справедливы; с другой стороны, они свидетельствуют о новой национализации мышления на постсоветском пространстве. С таким же правом и исследователи из Германии могут претендовать на Степуна как представителя немецкой культуры XX столетия.

С юридической точки зрения Федор Степун был российским подданным и советским гражданином – последним, судя по всему, до 1930-х гг. Тем не менее он волей-неволей провел половину своей жизни в Германии, где дважды – в Дрездене (1926–1937) и Мюнхене (1946–1959) – занимал должность профессора.

¹ Данная статья в русском варианте была опубликована как «Три мечты и одна безумная надежда. // Федор Августович Степун. Под ред. Кантора В.И. Москва, 2012. С. 34–54.

Степун и его русская супруга, как следует из переписки, получили саксонское гражданство еще до прихода Адольфа Гитлера к власти, а после 1949 г. они, очевидно, были натурализованы в Баварии, т.е. стали гражданами ФРГ. Если немецкая, а позже западногерманская общественность и воспринимала Степуна как русского в период жизни после 1922 г., то, скорее, вследствие направления его творчества и его позиции. Не следует забывать, что национально-романтическое, антиреспубликанское понятие «немца» просуществовало в ФРГ до 1989 г. и лишь в последние годы в объединенной Германии претерпело изменения. Сегодня двойное гражданство уже не является редкостью и в обществе царит широкий консенсус по поводу необходимости интеграции жителей с «миграционным фоном». Пример Федора Степуна мог бы в этом помочь.

Однако у немецких коллег на первый план выступают другие интересы. В университетах над темой творчества Степуна сегодня работают слависты и специалисты по русской религиозной философии. Пока что на этом поле не появилось ни диссертаций, ни монографий; об исследовательских планах тоже ничего не известно. Опубликованные работы являются лишь интерпретацией избранных текстов. Заслугой Хольгера Куссе следует признать раскрытие Степуна в качестве диалогического мыслителя в рамках русской, в частности соловьевской, традиции.²

Но как же с Риккертом, Зиммелем и Гуссерлем? Разве нет многочисленных свидетельств его личных связей с этими немецкими мыслителями? Так, например, по выражению Степуна, его мемуары были выстроены как «монокулярная социология» по концепции Зиммеля. Нетрудно догадаться, насколько в подобных делах важно близкое знакомство не только с его научным творчеством, но и биографические исследования.

Условия для этого неблагоприятны как в России, так и в Германии. Архив Степуна с его книжными рукописями, статьями и обширной перепиской, документирующий послевоенное творчество мыслителя, находится в Иельском университете. И хотя Библиотека Бейнеке предлагает великолепные условия для работы, с недавних пор даже с онлайн-поиском, все равно путь на Восточное побережье США остается неблизким, научная командировка туда требует сложной организации.

Письменное наследие Федора Степуна двуязычно, оно еще мало исследовано и еще не в полной мере опубликовано. Любая интерпретация должна учитывать, насколько ограничены пока знания о его личности и творчестве. Нет пока и комментированных изданий сочинений, а литературоведческий анализ находится лишь в начальной стадии.

Наши представления об этом человеке, о его сложности и противоречивости, о его актерской природе и об исполненных Степуном ролях российского эмигранта и немецкого профессора – им мы обязаны его самопредставлению и ре-

² *Kuße H. Kultur als Dialog und Meinung. Einleitende Bemerkungen zum Denken Fedor Stepun (1884-1965) und Semen Frank (1877-1950) und der ihnen gewidmeten Tagung // Kultur als Dialog und Meinung. Specimina Philologiae Slavicae. Band 153: Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884-1965) und Semen L. Frank (1877-1950)/ Hrsg. v. Holger von Kuße. München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 9-40.*

конструкции его биографии до 1945 г. О последующих двадцати годах мы знаем сравнительно мало. Одно кажется несомненным: с изменением исторического контекста меняются и критерии оценки его творчества.

Помимо мыслителя с его «культурой диалога», о чем неоднократно и убедительно свидетельствует обширная переписка, необходимо открыть Степуна как представителя интеллигенции занятого общественными проблемами. Что это значило – в Германии 1925 и 1935 гг., а также в Западной Германии 1945, 1955 и 1965 гг. – быть критиком большевизма, поддерживая при этом Россию? Не менее увлекателен вопрос, как Степун в качестве мыслителя реагировал на пережитые им исторические катастрофы и вызванные ими жизненные изломы. Важно задаться вопросом о восприятии и актуальности его трудов. Степун настаивал на обращении к «темам, вызванным необходимостью момента». Исследователям его творчества стоит обратить внимание на это требование с учетом исторического контекста и самим попытаться воздать ему должное.

Благодаря отправке за океан, архив остался сохранным. В Федеративной Республике не было учреждений, интересовавшихся письменным наследием подобного эмигранта, пусть он и был профессором в Германии и имел заслуги – рассеянный по миру архив Дмитрия Чижевского (1894–1977) печальный тому пример. Если Маргарита Степун надеялась посмертно сохранить славу брата с помощью престижного университета с Восточного побережья, то эта надежда не оправдалась. Как и в ФРГ до 1995 г., в Америке не производилось исследования наследия Степуна. В тот год мне довелось изучать в США архивы для первой монографии о Федоре Степуне, и тогда же в букинистических лавках обратило на себя внимание обилие специализированной литературы о Советском Союзе, списанной из университетских библиотек. Изменения в Восточной Европе изрядно обесценили советологию, не сумевшую их предугадать. После 1995 г. книги Степуна постигла та же участь – возможно, потому что они не вписывались ни в одну из тенденций. Но теперь этот автор переживает ренессанс.

Первые попытки западногерманских профессоров интерпретировать Федора Степуна в качестве раннего социолога не дали особых результатов. Для это потребовалось бы воссоздание дрезденского периода его творчества с учетом всех немецко- и русскоязычных источников, сохранившихся после уничтожения во время войны университетского архива, а также личного архива и библиотеки ученого. Собственно, без сопереживания этому изгнаннику, без искреннего интереса к эволюции его идей, к его непростой судьбе, вместившей в себе ряд политических и социальных переломов, невозможны ни исследования, ни их публикации. Два молодых восточногерманских издательства разделили мой интерес к ранее не издаваемому в ГДР эксперту по России.

Ирония истории: та самая «старушка Европа», чьи культурные традиции с их национально-религиозной основой Степун отстаивал против рыночных либералов и диктаторов, возрождения которых добивался – эта же Европа и низвела его до статуса маргинала. Его архив сохранился в Америке, которой и многие русские, и немецкая элита, да и сам Степун отказывали в наличии самостоятельной культуры. Весьма примечательный побочный эффект американизации послевоенной западногерманской культуры! И вопреки его опасениям немецко-

русский диалог в зоне влияния Москвы вовсе не угас. В ГДР зачастую по инициативе местных издательств возникла дифференцированная картина русской и советской литературы, русского и советского искусства XX столетия. Новое обращение к социалистическому авангарду с его концепцией театра, с его модернистской картиной человека, которые критиковались Степуном, сфокусировало внимание на аутопоэтическом характере его собственного творчества.

Ниже будут приведены четыре примера, подтверждающие тезис о том, что Федор Степун не обладал четкой национальной идентичностью, а развивал в себе различные идентичности на протяжении жизни, реагируя на обстоятельства эпохи и на темы своих работ, так сказать, по мере необходимости. Это апелляция к историко-критическому подходу, позволяющему по-новому представить философа и писателя с помощью контекстов его деятельности. В данной статье я повторяю некоторые идеи из моей монографии, но и новые выводы, появившиеся после чтения и составления комментариев к избранной переписке Степуна. Приводятся многочисленные цитаты из его писем, этой пока еще находящейся в стадии разработки части его творчества.

I.

Не до конца ясной остается этническая принадлежность Федора Степуна. Он не был ни русским, ни немцем. Известно, что он родился в Москве в 1884 г. – старший сын в семье управляющего бумажной фабрикой в Кондрово под Калугой. Его отец приехал в Россию из Восточной Пруссии в качестве иностранного специалиста, мать была урожденной москвичкой, дочерью русской женщины и купца из балтийских гугенотов. Предки, носившие тогда еще фамилию Степпун (Steppuhn), происходили, судя по всему, из Мемельского края и были, среди прочего, литовских кровей.

Вся информация почерпнута у самого Степуна, из его книг. В той или иной степени все эти данные можно отнести и к художественному вымыслу. Поисков в российских архивах пока не велось, о семейных преданиях ничего не известно.

Будь он балтийским немцем из Риги, политика русификации при Николае II вполне могла бы превратить его в немецкого националиста и русофоба. Однако Фридрих Степпун воспитывался двуязычным ребенком вне однозначных представлений о национально-культурной идентификации. И хотя в Москве он жил в среде немецких купцов, посещал немецкое реальное училище, был прихожанином протестантской церкви (Reformierte Gemeinde), тем не менее к кругу его знакомств принадлежали и русские евреи, и староверы. Никто не требовал от него верности национальным идеалам, и меньше всего его мать с ее польским любовником.

Некоторое представление о его поначалу биполярном, возможно даже равнодушном отношении к этнически-религиозной идентичности, дают литературно-социологические мемуары, которые он начал писать по-русски в нацистской Германии в 1937 г. и которые впервые вышли в свет в немецком переводе

в 1947–1950 годах в Мюнхене. Его отец и московский дед были германофилами, но мать была ассимилирована. В Кондрово у него была русская воспитательница, бравшая его с собой в православную церковь. Из детских воспоминаний: стачка на бумажной фабрике. Мать сочувствовала рабочим, но отец не шел ни на какие уступки. Данный эпизод иллюстрирует один из центральных мотивов в жизни писателя: играть роль посредника между русскими и немцами.

У Марии Степун, урожденной Аргеландер (Argelander), наличествовала творческая жилка; она привела своих детей в мир театра – в то время движущей силы русского культурного ренессанса. Позднее философ и социолог Степун отведет театру важную роль в идейном и общественном сплочении во времена тяжелых перемен. Актер олицетворял для него идеал утонченного человека, не наделенного личностью, но создающего ее во взаимодействии с труппой и зрительным залом.

В этом смысле Федор Степун был привилегированным ребенком «артистической эпохи» (Владимир Кантор). Актерски одаренный, он не только умело позировал на фоне меняющихся кулис, но и всякий раз изобретал себя заново – в том числе и посредством сценической постановки с собой в главной роли. Но Степун жил при этом в революционные времена. Закономерно было бы спросить: обернулось ли удачей его актерское, ауто-поэтическое отношение к идентичностям в «век крайностей», к чему оно привело?

В письме к матери, опубликованном в одном из петроградских журналов во время Первой мировой войны, русский прапорщик артиллерии пишет о своем павшем товарище: «Он не был настоящим русским... он не был и немцем, – особенно не был тем современным немцем, победа которого над миром, если она будет, неизбежно рухнет, потому что она основана на измене своей подлинной сущности и на ложном утверждении себя. Но он не был и космополитом, т. е. индивидуальностью вне нации. Нет, он принадлежал к тем новым людям Европы, которые являются живыми центрами кристаллизации всего значительного и положительного в сущности и творчестве отдельных наций»³.

Этот офицер с философским факультетом за плечами описывает в нескольких строках образ человека как противовес всякой националистической пропаганде военного времени. Далее он пишет в 1915 г. о своем друге: «Быть русским – означало для него прежде всего служить России. Но это двойное служение, которое он осознавал как свой долг, не было в нем служением в нем двум богам; оно было служением тому богу нового, и в многообразии национальных индивидуальностей, единого человечества, которого он с немногими другими был тихою, прекрасною зарей».

Судя по изданию 1926 года, без цензуры первое предложение, вероятно, звучало так: «Быть русским – означало для него, прежде всего, служить Германии. Быть немцем – означало для него, прежде всего, служить России»⁴.

³ Лугин Н. Из писем артиллериста прапорщика // Северные Записки. 1916. № 12. С. 11.

⁴ Степун Ф. Из писем прапорщика артиллериста. Прага: Пламя, 1926. С. 149; Stepun Fedor. Wie war es möglich. Briefe eines russischen Offiziers. München: Deutsch von K. Rosenbergl. C. Hanser Verlag, 1929. S. 159 f.

Автором этих фронтовых писем, впервые опубликованных под псевдонимом, был Федор Степун. Написанный им некролог – эту постановку с четко распределенными ролями – вполне можно воспринимать в качестве программного автопортрета.

Возможно, что он просто желал однозначной принадлежности. Будь его воля, он бы посещал русскую гимназию. Выбор школы его отцом, видевшим своего старшего сына немецким коммерсантом, стал поворотным. Без русского гимназического образования Фридриху Степпуну оставалось только продолжить учебу в Германии, где он мог получить степень, но как царский подданный не мог рассчитывать на карьеру. То же в Москве, где у молодого философа, считавшегося неокантианцем, не было шансов попасть на государственную службу. Альтернативой было податься в свободную профессию – и он стал ездить по Российской империи с лекциями, был редактором международного философского обозрения «Логос». В качестве участника этого немецко-русского сообщества, Степун уже до Первой мировой войны избрал для себя транснациональную идентичность – идеал, о котором напоминает письмо с фронта.

Насколько лекций Вильгельма Виндельбанда в Гейдельберге и дружба с Фридрихом Риккертом не укрепляют его на позициях неокантианства, настолько же из темы диссертации о Соловьеве не следует его принадлежность к русской религиозной мысли. В период до 1914 г. Фридрих Степпун/Федор Степун пытается открыть для себя немецко-русскую идейную близость, продолжая известную романтическую традицию. Насколько прогрессивной была его позиция, видно из сборника «О Мессии» («Vom Messias», Лейпциг, 1909 г.)⁵. В то время как его соавторы – немецкие и русские однокурсники, будущие сотрудники «Логоса» – прорицают большое будущее национальному самосознанию, Степун грезит о возрождении межнационального диалога без патриотических вероучений. Что тогда объединяло авторов сборника, так это столкновение с философией американского прагматизма. На Всемирном философском конгрессе, проходившем в 1908 г. в Гейдельберге, эта идея была озвучена настолько мощно, что пробудила в них желание вывести на сцену русскую мысль, сравнительно слабо представленную в мире, и новые течения немецкой философии, в том числе и феноменологию.

II.

До 1922 г. славянофильски ориентированные публицисты не воспринимали Степуна как русского по духу. Поэтому у многих возникает впечатление, что он начал выступать в таком амплуа лишь в изгнании. В Германии эта роль стала для него звездной. Но как выяснилось, современники из русских эмигрантов и нем-

⁵ См. недавний перевод этой книги на русский язык: Кронер Р., Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф. О мессии. Эссе по философии культуры / сост., послесл., примеч. А. А. Ермичёва; пер. с нем. А. А. Ермичёва, Н. Ю. Заварзиной, В. П. Курапиной, И. Л. Фокина. СПб.: РХГА, 2010. А также рецензию на нее Владимира Кантора: Вопросы философии. 2010. № 11. С. 181-185.

цев были зачастую знакомы лишь с одной стороной этого человека, любившего выступать во многих ролях. Многогранность его личности, многосторонность его деятельности отчетливо проявляются, если приглядеться к его жизни между мировыми войнами.

После Октябрьской революции Федор Степун заведовал репертуаром в театре, при этом, пусть и с долей скепсиса, начал сближение с ведущими представителями русской религиозной философии, такими как Николай Бердяев и Семен Франк. Общение с ними не сделало его сторонником этого мировоззрения, но обернулось далеко идущими последствиями: инициированная им дискуссия вокруг «Заката Европы» Освальда Шпенглера, в особенности опубликованный в результате большим по тем временам тиражом сборник статей, привели к выдворению мыслителя из страны. Ленин видел в авторах сборника лишь идеологических противников, которых необходимо было преследовать ради сохранения власти; собственно тема диалога о будущем России и Европы не интересовала предпочитавшего монолог лидера большевиков.

Еще в Советской России Федор Степун начал писать автобиографический роман в письмах «Николай Переслегин»; книга была закончена, опубликована в оригинале и в немецком переводе уже за рубежом. Она озвучивает, как заметил сам автор, его философскую эпистемологию и его этически-религиозные принципы. Как видно из переписки с Вячеславом Ивановым, Степун последовал совету, полученному от символиста еще в довоенное время: изложить свою философию в художественном сочинении. Занятие автобиографическим творчеством помогло ему осмыслить собственное становление и покончить с прежней жизнью. Двадцать лет назад я убил в себе романтика, писал Степун Ивану Бунину в 1935 г.; эпилог «Переслегина» стал надгробным камнем.

При этом сам роман закрепил за писателем имидж романтика и поборника необычного образа жизни. Степун стал отчасти восприниматься как Переслегин. Так, в 1925 г. после прочтения нескольких глав Иванов писал ему: «С Переслегиным я знаком. <...> А я хочу с ним сдружиться, как с Вами, а он сложен и глубок, как Вы сам»⁶. А филолог Виктор Клемперер в 1926 г. заметил в своем знаменитом дневнике: «Психологический роман в письмах, очень русский. Извечно погруженные в самоанализ, они извечно эротичны, грешны, слабы, артистичны, романтичны, благородны душой, нервозны»⁷.

Подобная идентификация мыслителя Степуна с романтиком Переслегиным заслоняет взгляд на его перемену в изгнании, где он в особенности был активен как политический публицист и литературный критик в эмигрантской прессе, при этом не оставляя желания быть университетским преподавателем и социологом в Германии.

Со временем Федор Степун стал видеть себя политиком в эмиграции. Его концепция личности, в этом можно было не сомневаться, не могла быть реали-

⁶ Письмо В. И. Иванова Ф. А. Степуну от 22 марта 1925 г. Цит. по: Иванов Вяч. Избранная переписка: Иванов – Степун / под. тек. А. Шишкина, комм. К. Хуфена и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53-54. С. 409.

⁷ *Klemperer V. Leben sammeln, nicht fragen wozu und warum Tagebücher 1925–1932.* Berlin 1996. Band 2. S. 176.

зована в диктатуре. Беседы с немецко-еврейским философом и педагогом Ионасом Коном из Фрайбургского университета в немалой степени побудили его к работе в качестве публициста и преподавателя (этот момент пока еще нуждается в более подробном исследовании). Оба видели задачу в том, чтобы убедить молодое поколение и сторонников крайних течений в преимуществах демократии.

Начиная с 1923 г. Степун состоял в редакционной коллегии «Современных записок» – влиятельнейшего эмигрантского журнала, выходившего в Париже. Издание правых эсеров, отстаивающее завоевания русской демократии против большевиков и монархистов, служило ему трибуной как политическому публицисту, литературному критику и прозаику. В своей серии статей «Мысли о России» ему удалось систематически развить тему «демократия в России», используя при этом результаты собственной дрезденской преподавательской деятельности.

В публичных дискуссиях вокруг стоящих перед эмигрантами задач он критиковал как политический радикализм, так и отсутствие интереса к политике. Решение посвятить себя темам современности и в изгнании развивать идею другой, новой России – это решение он отстаивал и в частной жизни, как, например, перед Ивановым: «На территории политики разрешаются сейчас величайшие вопросы русской жизни: бегство от политики представляется мне потому не только политическим, но и нравственным дезертирством. Так и прихожу я к своим скучным демократическим убеждениям.»⁸

Открыто признав себя сторонником демократии, что включало в себя требование самокритики и включение в диалог о текущих событиях в Европе, Степун пожал немало критики в эмигрантском окружении. Его обвинили в большевизме, во вмешательстве в чужие дела, в отсутствии права судить, поскольку он не является русским. Такое враждебное отношение только укрепило в нем «выбор быть русским» («Wahlrussentum»), как он признался одному немецкому эмигранту. Ему же он подтвердил свою уверенность, что может смело говорить о том, что он «более русский, чем царский двор в прошлом или Сталин в настоящем».⁹

Федор Степун стал одним из немногих российских эмигрантов, занявших должность профессора в Веймарской республике. В его планы входило продолжить общее дело в Дрездене, как он уверял своего парижского друга, публициста Илью Фондаминского-Бунакова: «Профессура даст мне возможность сосредоточенной и систематической работы (...) Мне очень хочется серьезно заняться Россией, вопросом церкви и философии, окончательно проверить себя, не выдумка ли вся моя национально-религиозная демократия (этого вслух нико-

⁸ Письмо Вячеславу Иванову от 8 июня 1925 г. Цит. по: *Иванов Вяч.* Несобранное и не-изданное. Париж, М., 2008. С. 416.

⁹ Недатированное письмо Паулю Тиллиху (до 2 августа 1934 г.) // *Nachlass Paul Tillich. Briefe von Fedor Stepun.* Cambridge (Mass.). Harvard University, Andover-Harvard Theological Library.

му не говорите) <...> Ради бога не думайте только, что моя профессура отвлечет меня от работы в *Сов[ременных] Зап[исках]* и вообще от русских проблем.»¹⁰

Через два года его нагнала действительность. Степун чувствовал нарастающую необходимость повышения квалификации. И он был готов работать в качестве социолога: «Мне необходимо вооружаться теперь очень быстро настоящими профессорскими знаниями. Эта необходимость для меня не внешняя, а чисто внутренняя вещь. Я действительно не могу больше жить общемиросозерцательной биографически-утробной приблизительностью, которая так широко разливается во всех парижских прениях.»¹¹

Как видно из его биографии и библиографии, к 1933 г. Федор Степун умножил количество своих немецких публикаций, расширил свое присутствие в немецкоязычном пространстве. Но экономический кризис и политические перемены в Советском Союзе снова поставили под вопрос с трудом выработанный им образ работы и жизни. В начале 1932 г. он пишет Бунину: «Быть может, нельзя быть одновременно немецким профессором и русским публицистом, богословом в душе и социологом на кафедре, художником по темпераменту и моралистом по волеуправлению. А между тем я на всех этих фронтах борюсь за себя. Боюсь, что в результате себя проиграю; но от сложности своей игры отказаться не могу.»¹²

III.

С журналом «Новый Град» (Париж, 1931–1939 гг.) Федор Степун, один из основателей и главных авторов этого издания, связывал надежду на третий путь между рыночным либерализмом и диктатурой. Под впечатлением массовой безработицы и политической радикализации в Европе он внимательно следил за подъемом Гитлера. Степуну и его единомышленникам, среди прочих Фондаминскому-Бунакову и Густаву Кульману (Gustave Kullmann, руководил созданным в 1931 г. при Лиге Наций в Женеве секретариатом образования и информации), пришла идея основать печатный орган для русскоязычных читателей в эмиграции с целью распространения идеи социального христианства.

Сотрудничество с видными эмигрантскими изданиями в политической, программной плоскости достигло своих пределов. Демократические идеи Степуна не нашли достаточной поддержки. Его представление о новом журнале основывалось не в последнюю очередь на политическом анализе: время социальных

¹⁰ Неопубликованное письмо Илье Фондаминскому-Бунакову от 30 ноября 1925 г. // Nachlass Mark Wischnjak (Vishnjak papers). Bloomington (Indiana). Indiana University, Lilly Library.

¹¹ Неопубликованное письмо Илье Фондаминскому-Бунакову от 27 декабря 1927 г. // Nachlass Mark Wischnjak (Vishnjak papers). Bloomington (Indiana). Indiana University, Lilly Library.

¹² Недатированное письмо Ивану Бунину (до 18 февраля 1932 г.) // Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину / публ. и прим. Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом / ред. Р. Дэвис, В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 100.

революционеров прошло. В письме к Риккерт от 8 мая 1932 г. он пояснял: «Ситуация в России очень сложная. Из этой сложности для меня, как политика [русской] эмиграции, следует ясный вывод о том, что всякий активизм, не говоря уже о военной и террористической борьбе против Советов, может только навредить. С раскулачиванием и коллективизацией крестьянства, как минимум под вопрос поставлено наличие социального базиса для сопротивления революции (Gegenrevolution). Будучи здесь, нам не остается ничего другого, кроме как работать над духовным и культурно-политическим мировоззрением, на основе которого следует строить будущую Россию.»¹³

Подобной позицией Степун был обязан диспуту с русскими религиозными мыслителями, такими как Бердяев, а также носителями идеи религиозного социализма в Германии, в особенности критическому диалогу с Паулем Тиллихом.¹⁴ У коллеги по цеху Тиллиха, поборника современного протестантизма, по мнению Степуна, не хватало живой связи между социал-демократией, теологией и личной практикой вероисповедания. Ему был и оставался ближе консервативный католический модернизм и его флагман – журнал «Hochland» («На горье»). Если впечатление не обманывает, то диалог с ориентированными на реформы силами западных церквей открыл ему глаза на потенциалы восточной церкви, необходимость их расковать. Поначалу Степун защищал православие против поверхностного обвинения в отсталости и поддерживал экуменический диалог, прежде чем стать идеологом русской демократии на религиозной основе, не просто пропагандирующим религиозность как основу культурной деятельности, но сам эту религиозность культивирующий.

Его растущая концентрация на эмигрантских темах, стилизация собственного образа в качестве прототипа «человека Нового Града» и как русского писателя – все это наблюдается у Федора Степуна в 1930-х гг., но эта эволюция не была ни неизбежной, ни до конца намеренной. Еще в 1933–1934 гг. на русском был опубликован его основополагающий текст «Христианство и политика», который мог бы рассчитывать на читательский резонанс по всей Европе. Но перевод статьи на европейские языки так и не появился, кстати, до сих пор. Были и положительные импульсы, такие как Нобелевская премия по литературе, присужденная Бунину в 1933 г., укрепившая веру в значение культуры русской эмиграции. Но настало время, когда близкие немецкие единомышленники, вроде издателя Рудольфа Ресслера, начали покидать страну, в то время как Степун оставался в гитлеровской Германии, где он, почти полностью лишенный возможности влиять на происходящее, в 1937 г. в конце концов теряет работу, подвергается запрету на писательскую деятельность и публикации, а также на выезд за рубеж.

В эти годы он в частной жизни окончательно обращается к православию: Федор Степун становится набожным человеком. Интеллектуал, он регулярно по-

¹³ Письмо Генриху Риккерт от 8 июня 1932 г. // Nachlass Heinrich Rickert. Universitätsarchiv Heidelberg. Heid. Hs. 2740. Erg. 1, 2.

¹⁴ Комментированное издание этой переписки недавно вышло на немецком языке: Christophersen Alf. Paul Tillich im Dialog mit dem Kultur- und Religionsphilosophen Fedor Stepun. Eine Korrespondenz im Zeichen von Bolschewismus und Nationalsozialismus // Zeitschrift für neuere Theologie-Geschichte. 2011. Bd. 18. H. 1. S. 102-173.

сещает церковь, погружается в учения святых отцов и ищет духовной поддержки у русских священнослужителей. Из его воспоминаний и переписки видно, что он ощущал себя принадлежащим не к крайне консервативной, монархистской Русской зарубежной церкви, а к альтернативным общинам и их духовным наставникам, олицетворявшим для него благодетельное, вдумчивое, приближенное к пастве христианство. В Париже чета Степунов молилась вместе с еврейским другом Фондаминским-Бунаковым у матери Марии (в миру: Елизавета Кузьмина-Караваева). Степун также последовал совету отца Иоанна (князь Дмитрий Шаховской), настаивавшего на том, что дрезденскую изоляцию надо рассматривать как волю Божию и воспользоваться ею для нового автобиографического проекта – литературно-социологических мемуаров.

Был ли Степун противником национал-социализма? Как и многие его немецкие коллеги, он присягнул на верность Адольфу Гитлеру, никак не отождествляя себя с его идеологией. В Дрездене, в организованном им в рамках университетского семинара «Театре мнений», он давал слово всем, в том числе представителям нацистски настроенного студенчества, чтобы повлиять на них посредством аргументов. При этом в эмигрантской прессе профессор ясно давал понять свою критическую позицию, например, выражая симпатии Исповедующей церкви, сопротивлявшейся захвату протестантской церкви нацистским духовенством. Пока лишь едва исследованы его контакты с активным сопротивлением. Известно, что еще во время войны Степун поддерживал отношения с эмигрировавшим издателем Ресслером, связанным с разведками в Люцерне (подпольное имя «Лусу»). В начале 1942 г. у него произошла личная встреча с Гансом Шоллем (Hans Scholl), некогда активистом гитлерюгенда, находившимся в тот момент в поисках истины, а позже, в июне 1942 г., ставшим одним из основателей подпольной группы сопротивления «Белая роза». На какой риск шел «русский по выбору» Степун, чтобы по-христиански поддержать дух одного из уже немногих своих немецких партнеров по диалогу, видно из его письма 1940 г. знакому историку: «Немецкий злой рок грозит обернуться злым роком для всего мира. Это и есть настоящая причина того, почему я, сильно переживая, но не теряя надежды, слежу за всем, чем Вы занимаетесь и что происходит у Вас в душе. (...) Если бы Вы только знали, Йоханнес, с какой тревогой в сердце я вижу иногда приближение того черного дня, когда мне придется пережить самоликвидацию христианской гуманистической Германии перед лицом современного проявления силы, возможно даже в людях такого разряда как Вы!»¹⁵

С немецкой оккупацией Парижа в мае 1940 г. русская эмигрантская литература утратила свои главные издания, некоторые редакторы и политики бежали в США. Фондаминский-Бунаков и мать Мария, пытавшиеся спасти русских евреев от депортации, погибли в концлагере. Эксперимент с послереволюционной русской культурой за рубежом, призванной послужить моделью будущего развития на родине, был для Степуна окончен. И вновь он пишет некролог

¹⁵ Неопубликованное письмо Йоханнесу Кюну (Johannes Kühn) от 24 октября 1940 г. Копия в архиве Ф. Степуна // Yale University. Beinecke Rare Books und Manuskripts Library. Fedor Stepun papers GEN MSS 172. Box 18. Folder 627-629.

на смерть своей мечты, еще один автопортрет без определенных национальных черт, но на этот раз явно идентифицируя себя с единомышленниками в изгнании: «Большим утешением для всех нас, работавших в эмиграции над синтезом средневекового боговерия, либерально-гуманитарного свободолюбия и социальной справедливости, было то, что мы не чувствовали себя отщепенцами. Доходившие до нас скудные сведения с родины согласно свидетельствовали о том, что и там, быть может, там-то прежде всего, растет живая вера в Бога, тоска по личному творчеству и жажда новой справедливости. К такой же цели стремились рядом с нами и новые люди Европы.»¹⁶

Текущие события в мире, писал он в мемуарах, подтверждают пророчества русской религиозно-философской мысли XIX в. Эта попытка гуманитарно-исторического осмысления имела мало общего с политическим анализом и порожденной войной исторической действительностью.

IV.

Установление нового политического порядка после Первой мировой войны сопровождалось распадом языковых сообществ. Немецкий стал самым распространенным иностранным языком в Европе. Советская власть выдвинула около трех миллионов человек за границу, в основном в Центральную и Западную Европу. В этих условиях родному языку и его распространению посредством прессы, литературы и искусства отводилась особая роль: он способствовал культурной самоидентификации меньшинств и мигрантов.

Эта тема свела вместе Федора Степуна и Рудольфа Ресслера. Оба оказывали поддержку театру – первый в качестве теоретика, второй как издатель и руководитель крупнейшего немецкого театрального союза «Bühnenvolksbund», поддерживающий связи с немцами за рубежом. Консервативный протестант, он тоже видел опасность диктатуры. В 1934 г. Ресслер бежал из Германии в Швейцарию; его люцернское издательство «Vita Nova» пыталось способствовать укреплению христианского облика человека, среди прочего с помощью книг Бердяева. Ресслер также содействовал выходу в США книги Степуна о революции, а в 1942 г. выступал посредником в издании другой его запрещенной в Рейхе книги о театре левым итальянским промышленником Оливетти (весь тираж, как позже узнал Степун, был уничтожен при бомбежке Милана американцами).

Вторая мировая война привела к биполярному мировому порядку: Германия оказалась разделенной, Европа в целом попала под влияние новых мировых держав – СССР и США. В июле 1945 г. Степун, уже живущий в Баварии в американской оккупационной зоне, куда он вовремя бежал от Красной армии, написал длинное письмо Ресслеру. Он рассказал ему о своих мемуарах и, будучи убежден в своей интеллектуальной миссии, просит помощи в их распространении в послевоенной Европе: «Я знаю, что за облик России, за вечный облик, сегодня можно вступаться лишь в очень умеренном тоне и что большевистское

¹⁶ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.: СПб: Алетейя, 1995. С. 252.

лицо следует подвергать критике лишь с осторожностью, но все равно должно происходить и то, и другое.»¹⁷

Пока Степун писал свои воспоминания, его друг и издатель превзошел самого себя: с середины 1942 и до лета 1944 г. способствовал передаче в Советский Союз ценной разведывательной информации из Германии, предназначенной для британцев, чтобы, как он верно рассудил, поддержать самого важного участника антигитлеровской борьбы. Летом 1945 г., когда Ресслер формулировал ответ Федору Степуну, ему из-за этой истории пришлось отвечать перед швейцарским судом. По поводу проекта книги и ее шансов на международном рынке он высказался скептически: «Поскольку обычный человек, не живший в занятых национал-социалистами и фашистами частях Европы, естественным образом задаст вопрос: что же за духовные, духовно-политические, моральные и прочие идейные качества сподвигли Советский Союз на такие необычайные достижения до войны и во время войны, решившие исход войны, а с ним и будущее всего мира. Он потребует ответа на такие вопросы; и книга с ее антибольшевистским характером, основывающимся на описании русской действительности до 1925 или 1932 г., едва ли сегодня сможет его удовлетворить.»¹⁸

Издатель предупредил Степуна, что его книгу могут отнести к антикоммунистической литературе, и он может попасть в компанию авторов, разделяющих ответственность за приход к власти фашизма и нацистов. Кроме того, он указал на американскую пропаганду, пришедшую в Западную Германию на смену геббельсовской, и порекомендовал тщательно переработать текст.

Ресслер, несомненно, был компетентен в геополитике и военной стратегии, он был реалистом, заинтересованным в балансе сил между Западом и Востоком. В противоположность ему Степун видел себя все же писателем в традиции русской религиозной литературы XIX в., он впитал ее апокалиптический взгляд на судьбу европейской цивилизации, этим видением пронизана его проза. Мы не знаем, как он относился к шпионской деятельности Ресслера, к его публицистике, направленной на борьбу против раздела Европы в ходе «холодной войны». Переписка также выдает лишь неполную картину его «культуры диалога». Тем не менее эти письма раскрывают противоречие между желаемым и действительностью в начале позднего творческого периода: с одной стороны, стремление творить в качестве европейского мыслителя; с другой – смутное понимание послевоенной ситуации. Все это ни в коем случае не помешало успеху Федора Степуна в Западной Германии. Наоборот, законченные в кратчайшие сроки и без изменений в концепции воспоминания смогли уже в 1947 г. выйти в свет в Мюнхене, сразу после получения новой профессуры и выхода второ-

¹⁷ Непубликованное письмо Рудольфу Ресслеру от 20 июня 1945 г. // Архив Рудольфа Ресслера. Государственный архив Люцерна. Архив Ксавера Шнипера (Xaver Schnieper). PA411/362. На это письмо мне указал Петер Камбер (Peter Kamber), в чьем романе «Секретная агентка» (Берлин, 2010) немало места уделено бывшему немецкому издателю Рудольфу Ресслеру (1897–1958) и его шпионской деятельности в Швейцарии во время Второй мировой войны.

¹⁸ Непубликованное письмо Р. Ресслера Степуну от 12 июля 1945 г. // Stepun papers (по старому каталогу: Stepun papers. Box 27. Folder 956).

го немецкого издания «Переслегина». Удачное начало! Теперь его коллеги по работе, многочисленные студенты, слушатели и читатели могли не только, как когда-то в Дрездене, видеть в нем харизматичного университетского преподавателя, докладчика, публициста, но и сопоставлять этот образ с его автобиографическими рассказами. Реальная личность и миф соединились воедино в перегруженной смыслами пестрой фигуре. «Русский по выбору» эффектно разыграл роль «хорошего русского». Его речь о лике и лице придала ему ни с чем не сравнимый имидж.

Свободный и демократический политический строй, личный талант, разносторонние способности и трудолюбие, подходящие темы и нужные связи – многие факторы сопутствовали новому взлету философа начиная с 1945 г. Характер и объем трудов на немецком, созданных им после получения второй профессуры (ни много, ни мало в 62-летнем возрасте) вплоть до 1965 г., остаются по большей части неизвестными русскому читателю. Принимая во внимание этот период, можно смело утверждать: Федор Степун был неотъемлемой частью послевоенной западногерманской культуры. В этом заключается сложность восприятия и достойной оценки его наследия: он поставил себя в рамки русской традиции, но жил и писал в четвертом по счету немецком государстве в контексте, который пока изучен лишь отчасти.

Остались непереверденными важные речи и публикации, свидетельствующие о его участии в политических дискуссиях в Западной Германии, о возобновлении им открытого диалога с немецкими учеными. То, что на первый взгляд кажется продолжением его разносторонней активности до 1933 г., при более пристальном рассмотрении оказывается провальной попыткой на что-либо повлиять. Его выступление в защиту демократического социализма с национализацией ключевых отраслей, земельной реформой и справедливым распределением бремени военных долгов было утопичным для западных зон страны, где в действительности события развивались совсем иначе. Пусть его речь «Обязанность быть личностью» и производила впечатление на христианских промышленников и политиков, искавших пути к новому социальному договору в обществе, но надежды Степуна, что после лекций о «Природе и стиле русской духовности» его привлекут к консультациям вокруг Восточной политики, остались иллюзией: взгляд Бонна был привязан к Парижу и Вашингтону, христианские партии набирали голоса избирателей при помощи антикоммунистической пропаганды; в эпоху Аденауэра элиты не интересовались интеллектуальным диалогом о бывшем противнике на Востоке.

Не менее тяжело происходил обмен мнениями с Инге Шолль и Отлом Айхером, выжившими членами «Белой розы», развернувшими значительную культурную деятельность в послевоенном Мюнхене и Ульме. Когда в 1948 г. представители современного католицизма заняли просоветскую позицию, Степун не мог этого понять. Заниматься Восточной Германией казалось ему и вовсе напрасной идеей. В одной не помеченной датой статье из его архива можно прочесть: «Исход второй войны сделал совершенно невозможным даже самое тихое

перешептывание между соседними народами, некогда оживленно обменивавшимися идеями. Будущее видится мрачным.»¹⁹

Настолько слепое отношение к соседней стране, в которой «русские» и немцы тесно сотрудничали во всех областях, в том числе и культурной, не было случайным: оно было продуктом определенной интеллектуальной эволюции и, в общем, отвечало самоопределению ФРГ, видевшей себя в роли единственной легитимной Германии. Здесь же проявляется и всемерное неприятие левого авангардизма и его связей с советским модернизмом. Показательно, что в своей монографии «Театр и кино», повторно вышедшей в издательстве «Hanser» в 1953 г., Степун вновь, как и в 1931 г., подвергает критике «Трехгрошовую оперу», но ни разу не упоминает ни эволюцию Брехта, ни его Берлинский ансамбль, основанный в Восточном Берлине в 1949 г.

Уже в преклонном возрасте Федору Степуну снова удалось вести жизнь немецкого профессора, двуязычного публициста и писателя, ездить с лекторскими гастролями по стране. О жалобах на «раздвоенную идентичность» в последние два десятилетия жизни ничего не известно. Теперь он мог сконцентрировать свои силы: мюнхенская кафедра русской духовной истории была в прямом смысле скроена для него, старые роли политика в изгнании, политического журналиста и социолога исчезли из его репертуара. В этом ему помогла его способность к саморефлексии, а если точнее: готовность сделать собственную жизнь предметом литературы и науки. В одном из эссе он объявляет «борьбу на разных фронтах» в буквальном смысле долгом: «Настоящую научную объективность следует искать не в подавлении личности исследователя в так называемой свободной от предпосылок науке <...> а наоборот, в сознательных этически-религиозных усилиях исследователя, направленных на превращение его обремененной случайными воззрениями и туманящими страстями индивидуальности в безусловно праведную и всесторонне осмотрительную личность, невзирая на индивидуальные особенности.»²⁰

В том же контексте Федор Степун сформулировал гносеологическое и этическое обоснование диалогического принципа: «Истину невозможно пережить иначе, чем в процессе взаимного постижения между людьми. Это взаимное постижение является также единственной верной областью практического действия.»²¹

В конце концов мюнхенский ученый сконцентрировался на роли проводника традиции русской религиозной мысли, которой, по его убеждению, отводится значительная роль в европейском самосознании. На немецком вышли его книги о Достоевском (1950), Достоевском и Толстом (1961), а также его позднее произведение «Мистическое мировидение. Пять фигур русского символизма» («Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus», 1964); на русском

¹⁹ *Степун Ф.* Россия и Германия. Недатированный 6-страничный машинописный текст статьи. С. 6 // Архив Ф. Степуна (по старому каталогу: Stepun papers. Box 33).

²⁰ *Stepun F.* Die Objektivitätsstruktur des soziologischen Erkenntnisaktes // *Soziologie und Leben. Die soziologische Dimension der Fachwissenschaften* / Hrsg. v. Carl Brinkmann. Tübingen: Wunderlich, 1952. S. 68.

²¹ *Ibid.* S. 78.

за мемуарами (Нью-Йорк, 1956) последовал его сборник с портретами («Встречи». Мюнхен, 1962)

В этот период жизни он очень ценил общение на русском языке. Его переписка не дает оснований предполагать, что с западными или зарубежными немцами у него был такой же интенсивный личный или идейный обмен. Достойны внимания письма Ольги Шор, хранительницы архива Вячеслава Иванова в Риме. Степун впервые с ней познакомился еще до 1914 г., в кругу «Логоса». Теперь же она со знанием дела помогала ему в исследовании символизма, разыскивала информацию о судьбах его бывших московских друзей и знакомых. Публикация этой полностью сохранившейся переписки стала бы заслуженной, очевидной задачей. В беседах этих многоязычных, живущих вдали от Родины интеллигентов – русской женщины с еврейскими корнями и нашего с трудом поддающегося определению героя – отражаются полвека истории русско-европейской культуры.